

ОН
ВСЕ ЕЩЕ
ДВИГАЕТ
КАМНИ

МАКС ЛУКАДО

Санкт-Петербург
2010

Originally published in English under the title
HE STILL MOVES STONES
by Max Lucado
Copyright © 1993, 1999 by Max Lucado
Published in Nashville, Tennessee, by Tomas Nelson.
Tomas Nelson is a registered trademark of Tomas Nelson, Inc.
ISBN 978-0-8499-2133-9

Лукадо М.

Он все еще двигает камни / Пер. с англ. —

СПб.: МРО ХВЕП «Христианская Миссия», 2010. — 256 с.

ISBN 978-5-8445-0253-8

© Издание на русском языке. Издательство «Библейский взгляд», 2010
Все права защищены международным законодательством об авторских правах.

Ответственный за проект *А. И. Шапошников*

Переводчик *А. Б. Белькевич*

Редакторы: *М. А. Бабскова, В. С. Волкова*

Корректор *Н. А. Акинина*

Компьютерная верстка: *А. Б. Кодак*

Подписано к печати 11.10.2010. Формат 60 × 88¹/₁₆.
Печать офсетная. Объем 16 печ. л. Тираж 3000 экз. Заказ

Местная Религиозная Организация Христиан Веры
Евангельской Пятидесятников «Христианская Миссия»
198188, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, д. 46

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93.
Код ОКП 953140

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9-я линия, 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Надломленная трость и курящийся лен 7

НАДЛОМЛЕННАЯ ТРОСТЬ

2. Не виновен 17
Побеждая стыд
3. Не пропусти вечеринку 27
Темница горечи
4. Когда близкие люди не слышат друг друга 37
Как иметь дело с трудными родственниками
5. Мечтать разрешается 47
Сталкиваясь с разочарованием
6. Кислое молоко 55
Победа над дурными привычками
7. Безумные предчувствия и большие надежды 65
Искренние проявления веры
8. Вечная юность 75
Как любить жизнь, когда становишься старше
9. О пользе исторического чтения 87
Если кто-то сломал тебе жизнь

КУРЯЩИЙСЯ ЛЕН

10.	Сила робкой молитвы
<i>Если тебя волнует, слышит ли нас Бог</i>	103
11.	Яркий свет темной ночью
<i>Когда тебя не выбирают</i>	113
12.	Что для Бога труднее всего
<i>Как понять Его приоритеты</i>	125
13.	На что не способен никто, кроме Бога
<i>Свобода от законничества</i>	137
14.	Благодать по-галилейски
<i>Когда ты подводилшь Бога</i>	149
15.	Божественная нежность
<i>Есть ли Богу дело до мелочей</i>	159
16.	Как сумасшедший стал миссионером
<i>Если ты столкнулся со злом</i>	169
17.	Видеть невидимое
<i>Если ты боишься будущего</i>	177
18.	Молитва Иосифа
<i>Когда Божьи действия смущают тебя</i>	189
19.	Примирение с могилой
<i>Как научиться понимать смерть</i>	199
20.	В списках не значится
<i>Когда просто доброты недостаточно</i>	209
21.	Галерея передвинутых камней
<i>Повторение прочитанного</i>	219
227

ВЫРАЖЕНИЕ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТИ

НАПИСАНИЕ книги и путешествие по пустыне имеют много общего. Долгие переходы по иссохшей земле отмечены редкими источниками вдохновения. И вот, я хочу отдать честь тем, кто сделал это приключение максимально приятным. Спасибо, что не жаловались на песок и радовались, когда попадался оазис.

Мой ассистент Карен Хилл, ты не просто обустроивала мое рабочее место и правила мои тексты. Ты не позволила мне сойти с ума!

Мой редактор Лиз Хейни, как у настоящего хирурга, твои суждения резкие, а скальпель острый.

Все семейство издательства Thomas Nelson, все вы — редакторы, художники, секретари, продавцы, менеджеры, — вы лучшие!

Рой и Барби Джонстон, спасибо, что позволили мне найти убежище у вас в бухте Horseshoe.

Стив Грин, исполнительный директор UpWords, никто другой не сможет делать то, что ты делаешь так, как ты это делаешь. Мы все у тебя в долгу.

Моя жена Деналин, что нового я могу сказать тебе? Ты — моя звезда, я — твой Галилей. Твое сияние по-прежнему ослепляет меня.

Ну и ты, мой читатель. Благодарность тебе я приберегу напоследок.

Для многих из вас это уже десятая наша встреча (с юбилеем!). Для других — первая (рад познакомиться!). А для большинства — где-то посередине (счастлив увидеться с вами снова!). Ты готов доверить мне самый дорогой свой актив — время. Обязуюсь быть хорошим управляющим. Хотя написание книги и походит на путешествие в пустыне, с чтением так быть не должно. Чтение должно быть отдыхом посреди оазиса. Надеюсь, так оно и случится.

Пей из колодца, сколько сможешь.

Макс Лукадо

1

НАДЛОМЛЕННАЯ
ТРОСТЬ
И КУРЯЩИЙСЯ
ЛЕН

*Трости надломленной не переломит и льна курящегося
не угасит.*

МАТФЕЯ 12:20

ПРЕДСТАВЬ СЕБЕ СУББОТНИЙ ПОЛДЕНЬ. За окном октябрь. Все, что было нужно, ты уже сделал. Впереди полдня и никаких обязательств. Свободное время выпадает не так уж часто, если такое вообще случается. Поэтому ты размышляешь, чем заняться. Берешь газету в надежде найти неплохую идею. Кино? Ничего стоящего не показывают. Телевизор? Его можно посмотреть в любой день. Стоп. А это что такое? Одно объявление все-таки привлекло твое внимание.

Выставка картин

«Надломленная трость и курящийся лен»

С 14.00 до 16.00

Суббота

Библиотека им. Линкольна

Хм... Когда ты последний раз любовался искусством? Надломленная трость и курящийся лен? Наверное, что-нибудь о природе. В любом случае, прогуляться не помешает.

Решено. Ты откладываешь газету в сторону, надеваешь плащ, берешь перчатки.

Вот ты ужеходишь в библиотеку, и тебя встречает запах старых книг. За столом скучает сотрудница хранилища. Волосы собраны в пучок. Карандаш за ухом. Студент кинул рюкзак себе под ноги и принялся за изучение каталога. На ближайшем столе тебя вдруг заинтересовала подшивка старых журналов «Life». Ты уже вытащил один с Трумэнном на обложке, но тут же твой взгляд упал на вывеску, напоминающую об изначальной цели визита. «Надломленная трость и курящийся лен», — читаешь ты и все-таки направляешься к нужному залу. Проходишь по переходу, отворяешь двойные тяжелые двери иходишь внутрь.

Комната совсем не велика. Такая милая берлога. По стенам стеллажи, на стеллажах книги. В камине потрескивают дрова. Парочка мягких кресел манит провести время с книгой в руках. Может быть, позже, решаешь ты. Прежде всего искусство.

По периметру комнаты — картины. Все в рамках. Все довольно яркие. Все на мольбертах, расставлены попарно тыльной стороной друг к другу. Ты кладешь перчатки в карман плаща, вешаешь его на крючок и принимаешься разглядывать первое произведение.

Это портрет прокаженного. Он в самом центре холста. Сутулится как горбун. На руке не хватает пальцев. Одет в лохмотья. Тянется к тебе, просит милостыню. Лицо он прячет за рваным воротом, видны только глаза, полные боли. Вокруг него разношерстная толпа. Отец пытается отвести подальше своего любопытного сына. Какая-то женщина прокладывает себе путь и спотыкается на ровном месте. Мужчина озирается на бегу. В названии картины мольба попрошайки: «Если захочешь, сможешь...»

На следующем холсте тот же самый прокаженный. Однако сюжет поменялся самым драматическим образом. И в названии всего одно слово: «Хочу». Здесь прокаженный стоит выпрямившись. Вытянув руку, разглядывает ее — все пальцы на месте. Лохмотьев как не бывало. На лице улыбка. Да и толпа куда-то исчезла. Лишь чья-то одинокая фигура рядом. Лица не разглядеть. Видно только, как человек положил руку на плечо исцеленному.

«Да уж, природой на этой выставке и не пахнет!» — шепчешь ты и поворачиваешься к следующей картине.

На ней кисть художника изобразила женщину средних лет. Пытается перепрыгнуть пропасть. Платье разорвано. Тело бьет дрожь. Лицо побледнело. Кажется, она напугана до смерти. В глазах отчаяние. Протягивает руки, пытаюсь ухватиться за край скалы. На уступе виден мужчина. Можно разглядеть только ноги, сандалии и подол одеяния. На табличке под холстом слова женщины «Если бы только...»

Ты направляешься к следующему полотну. Эта же женщина, но уже стоит. Почва под ее босыми ногами не колеблется. Лицо наполнено жизнью. Взгляд поднят на людей, полукругом стоящих чуть поодаль. Здесь же тот человек, до которого она хотела дотянуться. Подпись? Его слова: «Мужайтесь...»

Следующий портрет довольно сюрреалистичный. В глаза бросается искаженное человеческое лицо. Рыжие волосы разметались на алом фоне. Голова растянута и набухает книзу, образуя форму груши. Глаза представляют собой две перпендикулярные щели, в которых мерцают тысячи крохотных зрачков. Уста застыли в пронзительном крике. И тут ты замечаешь нечто странное: этот дикий вопль населен сотнями каких-то паукообразных тварей. Царапая друг друга когтями, они отчаянно карабкаются вверх. Их крик вынесен

в название картины: «Поклянись Богом, что не будешь мучить меня!»

Под впечатлением ты идешь дальше. Тот же самый человек. На этот раз черты лица гармоничны. Дикий огонь в глазах погас, взгляд спокойный и мягкий. Уста умолкли. И надпись объясняет внезапно обретенный мир: «Свободен». Человек слегка подался вперед, будто к кому-то прислушивается. Рука оглаживает подбородок. С запястья свисает скоба цепи — разорванной цепи.

На другом портрете бедно одетая женщина съежилась перед толпой разгневанных мужчин. Они грозятся побить ее камнями. Но на следующем полотне эти камни уже лежат на земле. Почти весь двор заполнен ими. Здесь же сама преисполненная удивления героиня и улыбающийся мужчина. Сидит в стороне и что-то рисует на пыльной земле.

Еще на одной картине паралитик на соломенном тюфяке. Убеждает своих друзей не останавливаться, не сдаваться, а нести его в какое-то строение, полное людей. На следующем холсте парень уже сам взвалил свой тюфяк на плечи и, довольный, выходит из заветного дома.

Вот еще полотно: какой-то слепец кричит на равнина. В следующем сюжете он же кланяется тому, на кого только что повышал голос.

По всей галерее последовательность повторяется. Две картины — на одной человеческая боль, на другой — обретенный мир. Свидетельства о «до» и «после» встречи, изменившей жизнь. Сюжет за сюжетом душевное спокойствие поглощает горе. Счастье затмевает боль. Надежда преодолевает удары судьбы.

Но есть еще одна картина в самом центре зала. Она отличается от всех остальных. На ней нет лиц. Нет людей. Художник опустил свою кисть в краску древнего пророчества

и вывел два простейших предмета — тростинку и льняной росток.

Трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит (Мф. 12:20).

Есть ли что-либо более хрупкое, чем надломленный тростник? Посмотри на поломанные соломинки на глади воды. Некогда высокие, стройные, упругие стебли прибрежной травы изогнуты и беспомощны.

Ты чувствуешь себя поломанной тростью? Ты уже и не помнишь, когда стоял прямо, расправив плечи, подняв голову? Было время, ты горделиво возвышался над течением, был крепким, прочно укорененным в русле реки веры.

Потом что-то произошло. Тебя сломали...

грубое слово,
гнев близких,
предательство любимого,
собственная неудача,
жестокость религии.

И вот ты изранен, измучен, избит. Упрямый тростник, когда-то торчавший задорно и прямо, унижен, изогнут, затерян среди камыша.

Или угасающая лампа. Есть ли более сильный символ наступающей смерти? Некогда горевшая ярким огнем сейчас едва мерцает и тлеет. Еще теплая от вчерашней страсти, но пламени уже нет. Еще не холодная, но уже и не горячая. Как давно ты был объят пламенем веры? Ты ведь еще помнишь, как оно освещало твой путь?

Но вот налетел ветер... Холодный ветер, жестокий. Он завывал, что твои планы безрассудны и глупы. Мечты — надменны и идеалистичны. Он ворчал, что ты пытаешься

бросить вызов основам, многократно проверенным временем.

Этот ветер терзал тебя снова и снова. Да, какое-то время ты держался молодцом, стоял насмерть. Может быть, даже довольно долго. Но бесконечные порывы все били и били по твоему трепещущему огню. Тьма была уже в двух шагах.

Надомленная трость. Тлеющий лен. Общество знает, как поступать с такими, как вы. У мира есть свое место для раненых и медленно гаснущих. Он разрывает их в клочья. Он подавляет последнюю искру.

Но художники, рисующие на темы Священного Писания, уверяют нас, что Бог не такой. Снова и снова они изображают на холсте нежное прикосновение Создателя. У Него есть Свое место для изломанных и изнуренных ударами этого мира. Господь — Друг раненых сердец. Господь — Хранитель твоей мечты. Это главный сюжет Нового Завета.

Это главный сюжет нашей выставки.

Напоследок еще раз пройдемся по галерее. Постараемся разглядеть, как Бог встречает людей в точке невыносимой боли. И мы увидим, как сбывается пророчество. Мы увидим, как поломанная тростинка выпрямляется, а угасавшая лампа вновь занимается огнем.

Такая вот коллекция искусства. Кстати, твой портрет там тоже есть. Можешь сам посмотреть. Вот он, с краю. Как и все на двух подставках. Но в отличие от других холсты еще чистые. Внизу на табличке уже есть твое имя. А рядом с мольбертом — краски и кисть...

НАДЛОМЛЕННАЯ ТРОСТЬ

Он стоял уверенно.
На сильном стебле, высоко подняв голову.
Но это было прежде, чем прогремел
безжалостный гром и пролился жестокий ливень.
Теперь он надломлен, поник, ослаб.
Он ждет нежных рук, которые не сломают —
расправят его.
Он ждет прикосновения; сильного,
не уязвляющего — исцеляющего.
Властной нежности.
Мягкой силы.
Есть ли такие руки?

2

НЕ ВИНОВЕН

.....
Побеждая стыд

Иисус же пошел на гору Елеонскую. А утром опять пришел в храм, и весь народ шел к Нему. Он сел и учил их. Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его.

Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле.

Они же, услышав [то] и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних; и остался один Иисус и женщина, стоящая посреди. Иисус, восклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи.

Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши.

Иоанна 8: 1–11

... И Я не осуждаю тебя.

ИОАННА 8:11

СМОСТА ЧЕРЕЗ КАНЬОН ФРИМОНТ Ребекка Томпсон падала дважды. И оба раза насмерть. Первое падение разбило ей сердце. Второе — оборвало жизнь.

Девушке было всего восемнадцать, когда ночью ее саму и ее одиннадцатилетнюю сестру похитили какие-то бандиты неподалеку от магазина в городке Каспер, штат Вайоминг. Они увезли их на сорок миль к юго-западу, где и находится мост через каньон Фримонт. Однополосная, сияющая на солнце стальная конструкция высотой 112 футов над рекой Норт-Платте.

Один из преступников жестоко избил и изнасиловал Ребекку. Каким-то образом ей удалось убедить их не делать то же самое с ее сестрой Эми. Впрочем, их обеих сбросили с моста в ущелье. Эми умерла сразу же, упав на утес. Ребекка врезалась в какой-то уступ, и ее тело рикошетом отлетело в воду, на глубину.

Ее бедро было переломано в пяти местах, но она выползла на берег, а чтобы уберечься от переохлаждения, забилась между камнями и так надеялась дождаться рассвета.

Но рассвет для Ребекки так никогда и не наступил. Нет, солнце взошло, и ее нашли. Врачи обработали раны девушки, а судьбы отправили в тюрьму ее похитителей. Жизнь продолжалась. Но рассвета все не было.

Ужас той черной страшной ночи все длился и длился. Внутри себя Ребекка так и не смогла выбраться из ущелья. И вот в сентябре 1992 года, через девятнадцать лет, она вернулась на то место.

Несмотря на уговоры бой-френда, со скоростью 70 миль в час она примчалась к реке. Вместе с парнем и двухлетней дочерью Ребекка сидела на краю ущелья и плакала. Сквозь слезы рассказала ту историю. Молодой человек не хотел, чтобы дочка видела, как рыдает мать, и повел ребенка в машину. Тогда и услышал удар тела о воду.

Это была вторая смерть Ребекки Томпсон. Солнце так и не появилось в ее жизни после пережитого мрака. Почему? Что поглотило свет?

Страх? Может быть. Когда-то она свидетельствовала в суде против тех преступников. И один из убийц дразнил ее зловещими жестами: с ухмылкой водил пальцем по горлу, словно перерезая его. В день смерти Ребекки двое из тех бандитов досрочно вышли на свободу. Неужели страх встречи с ними был так велик?

Может, все дело в гневе? В гневе на своих насильников. В бессильной злобе из-за их досрочного освобождения. Злости на саму себя за тысячи ночных кошмаров, которые не прекращались с той самой ночи. Или в гневе на Бога? За то, что каньон стал еще глубже, ночь еще непроглядней, а рассвет все никак не приходил...

Может быть, чувство вины? Многие думают именно так. Как рассказывали друзья, несмотря на милую улыбку и приятный характер, внутри Ребекка продолжала сражаться с мыслью, что выжила в том кошмаре, а ее сестра нет.

Может быть, стыд? Каждый, кого она знала лично, и еще тысячи незнакомцев были в курсе всех унижительных подробностей той истории. Клеймо приставало все крепче с каждым газетным заголовком. Ее изнасиловали! Над ней надругались! Она опозорена! И как ни старалась перевернуть свою память... нет, так и не смогла.

И вот спустя девятнадцать лет она вернулась на мост.

Бесконечные глубины стыда. Ущелья непрекращающейся вины. Обрывы, украшенные черными лентами смерти. Звенящее эхо боли. Заткни пальцами уши! Плесни ледяной воды в лицо! Не оборачивайся, не смотри назад! Что только есть силы, беги от вчерашней трагедии! Нет, щупальца смерти сильнее надежды... Они тащат на мост, стыдят, унижают, втоптывают в грязь снова и снова.

Если бы это была ее ошибка, тогда все было бы по-другому. Если виновата, могла бы извиниться. Если бы падение в каньон было собственным проступком, знала бы, что ответить. Но Ребекка не была в той истории добровольцем. Она оказалась жертвой.

Иногда наш позор не публичен. Насилие со стороны супруга. Приставания родителя-извращенца. Постыдная связь с ущербным начальником. Никто ведь не знает. Зато знаешь ты. И этого достаточно.

Иногда история получает огласку. Развод, которого ты не хотел. Заразная болезнь, которой никак не ждал. Увечье, которое ты не сам себе устроил. И будь это только твое воображение, или люди вокруг и вправду об этом что-то там думают, тебе в любом случае предстоит разбираться с полученной отметиной — разведенный, инвалид, сирота, больной СПИДом.

Стыд, приватный или публичный, всегда причиняет боль. И так будет всегда, пока ты не одержишь победу. Рассвет никогда не наступит, если тебе не помогут.

Ты ведь не удивишься, если я скажу, что в каждом городе есть свои Ребекки Томпсон и свои мосты через каньон Фримонт. И в Библии тоже много таких Ребекк. Так много, что порой, кажется, страницы слипаются от пролитых ими слез. В этой книге ты их тоже обнаружишь. Каждая пережила встречу с каменным дном ущелья стыда.

Но есть одна судьба, которая воплотила в себе все остальные подобные ей. История падения. История насилия. История позора.

И история благодати.

Вот женщина стоит в центре толпы. Мужчины вокруг нее — религиозные лидеры. Их называют фарисеями. Самопровозглашенные хранители моральных устоев. И еще один мужчина, довольно просто одетый. Он сидит на земле и смотрит женщине в лицо. Это Иисус.

Иисус только что закончил Свою проповедь.

Женщина только что совершила преступление.

А фарисеи решили поймать их обоих.

«Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии» (Ин. 8:4). От обвинений дрожат стены соседних домов.

«Поймана в прелюбодеянии». От самих слов бросает в краску. С шумом отворяются двери. Распахиваются окна.

«В прелюбодеянии». Схватили. В тот самый момент.

«Поймана». Ага! Что у нас здесь такое? Мужчина. И он ей не муж. Давай-ка одевайся! Мы знаем, что делать с такими, как ты!

В мгновение ока приватная страсть превратилась в публичный скандал. Головы высовываются из окон, чтобы полюбоваться, как полицейский отряд тащит женщину по улицам. Собаки лают. Соседи отворачиваются. Весь город видит. Натянув тонкую одежду на обнаженные плечи, она пытается спрятать свою наготу.

Но от позора не спрячешься.

С этого момента она будет известна как прелюбодейка. Пойдет на рынок, и все вокруг будут шептаться. Будет проходить мимо соседей, те станут смотреть ей вслед. Только кто-нибудь назовет ее имя, люди тут же вспомнят, о ком идет речь.

Моральные падения так легко застревают в памяти.

Впрочем, самые великие извращения порой остаются незамеченными. То, что сделала женщина, постыдно, но то, что устроили фарисеи, — презренная подлость. По закону прелюбодеяние наказывалось смертью, но только если два человека выступят как свидетели. Нужно было найти очевидцев.

Возникает вопрос: насколько вероятно, что два человека смогут увидеть прелюбодеяние? Каковы шансы, что ранним утром сразу двое запнутся о парочку, забывшуюся в греховных объятиях? Очень сомнительно. Но если такое все-таки произошло, готов поспорить, это не просто совпадение.

Итак, я спрашиваю. Как долго эти двое пялились на происходящее, пока не решились схватить развратников? Как долго они прятались за какой-нибудь занавеской, прежде чем вышли с обличениями вперед?

И куда делся мужчина? Для прелюбодеяния нужны ведь двое. Что же с ним стало? Как он смог ускользнуть?

Факты практически не оставляют сомнений: это была заготовленная ловушка. Женщину поймали, но очень скоро станет ясно, что она не добыча, а только приманка.

«Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?» (Ин. 8:5).

Довольно дерзко себя ведет этот комитет по охране общественной этики. Очень уж довольны собой эти агенты праведности. Вот он — момент, о котором они так давно мечтали. Этим утром они наконец-то поставят в тупик великого Назарянина.

А что же женщина? Ее будто больше не существует. Всего лишь пешка в игре. Ее будущее? Не имеет никакого значения. Репутация? Да кого волнует, что она раз и навсегда подмочена. Эта прелюбодейка — необходимая, но несущественная деталь их плана.

Женщина смотрит в землю. Взмокшие волосы спутались. Слезы смешались с болью. Прикусила губу, стиснула челюсти. Знает, что все кругом на нее смотрят. Даже и проверять не надо. Сострадания у них не найти. Камни уже в руках. Зажали так крепко, что побелели пальцы.

Может, попробовать убежать? Но куда? Пожаловаться на несправедливость? Но кому? Все отрицать? Но ее же видели. Просить о милости? Только не у этих людей... Выхода нет.

Ты, наверное, ждешь, что Иисус встанет и провозгласит суд лицемерам. Но нет. Может, ты надеешься, что Он схватит женщину и вдвоем они убегут в Галилею. Но и этого не произошло. Или ты представляешь, что спустится ангел, разверзнутся небеса и земля поколеблется под ногами? Ничего подобного.

Его действия едва уловимы. А слово неумолимо.

Что же делает Иисус? (Если ты уже знаешь, притворись, что нет, и попытайся испытать удивление.)

Иисус что-то чертит на песке. Сидит, наклонившись, и что-то выводит. Тот же самый палец, что высек на синайских камнях десять заповедей и выжег на стене приговор Валтасару, ковыряет дворовую грязь. А потом вдруг Христос произносит вслух: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин. 8:7).

Младшие смотрят на старших. Старшие заглядывают в свое сердце и первыми выпускают камни из рук. Когда те уходят, молодежь, еще недавно храбрившаяся, следует их примеру. Слышны лишь глухой стук падающих камней и шарканье ног.

Иисус и женщина остались одни. Присяжные ретировались. Дворовая площадка превратилась в кабинет верховного судьи. Прелюбодейка ждет приговора. «Наверняка сочиняет проповедь. Сейчас будет требовать покаяния». Но судья молчит. Голова опущена. Все еще что-то пишет. Кажется, даже удивлен, обнаружив, что женщина все еще здесь.

«Женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя?

Она отвечала: никто, Господи.

Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши» (Ин. 8:10, 11).

Если ты когда-нибудь спрашивал себя, как Бог реагирует на твои падения, помести эти слова в рамочку и повесь на стену. Читай их. Изучай их. Наслаждайся ими. Стой под ними, словно в душе, и позволь истине омыть твое сердце.

Или, еще лучше, возьми их с собой к своему ущелью стыда. Попроси Христа проделать весь путь вместе с тобой к твоему мосту через каньон Фримонт. Пусть Он стоит рядом, а ты расскажи, как все было в ту самую черную ночь.

А потом слушай сам. Слушай внимательно. Он говорит:

«Я не осуждаю тебя».

И наблюдай. Запоминай подробности. Он пишет. Выводит послание. Но на этот раз не на песке — на кресте. Не рукой — кровью.

И там только три слова:

«Не осуждаю тебя».